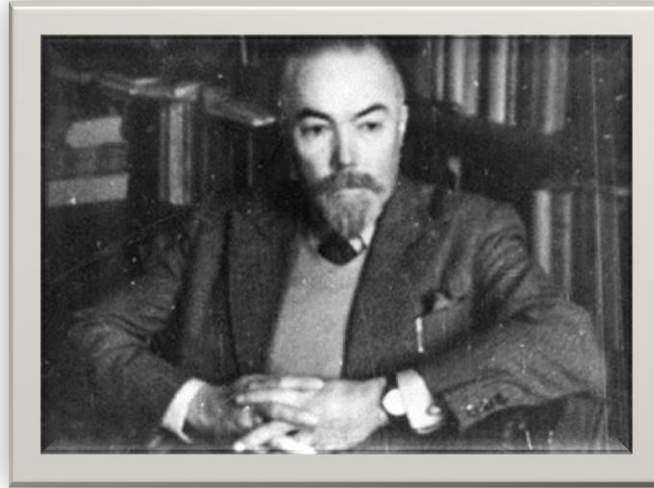

Идеал Человека.

К.А. Молчанова

(этот материал интересен тем, что не откорректирован, т.е. не «вылизан» и не дополнен «красивостями», сохранен стиль изложения и особенности восприятия именно автора)

16 августа — День рождения Юрия Николаевича Рериха (1902–1960)

*Ю.Н.Рерих в рабочем кабинете.
Институт Востоковедения АН СССР, Москва. 1957–1960*

Не в словах, но в безмолвном общении я получила ответ на вопрос жизни «быть или не быть». Я не могла продолжать больше жить без живого воплощённого идеала, хотя рядом и был наставник, который незаметно направлял по пути к Знанию. Но такова была особенность моего сознания...

Работала я уже с тринадцати лет. Закончила курсы машинописи, потом вечернюю среднюю школу. Мечтала стать певицей. Неоднократно поступала в музыкальное училище. Когда же, наконец, была принята, проучилась всего лишь два года, продолжая работать. Добровольно ушла в самодеятельность. Закончила позднее также курсы стенографии и курсы английского языка.

Мне было уже двадцать семь лет, когда летом 1959 года мы с дочерью Павла Фёдоровича Беликова, Леной, поехали из Таллинна через Москву в Крым, впервые в жизни так далеко от дома. В Москве тогда у нас никаких знакомых не было, и ночевали мы у какой-то старушки, адрес которой дал швейцар из гостиницы ВДНХ. Лена, очень спокойная и неразговорчивая девушка, только что окончила среднюю школу. Павел Фёдорович дал нам с собой письмо и книгу, чтобы в Москве был повод зайти к Юрию Николаевичу. Позвонить Юрию Николаевичу ни одна из нас не решалась. Хотя встреча нужна была мне, я настояла, чтобы это сделала Лена как дочь Павла Фёдоровича. Она представилась, забыв упомянуть обо мне.

Итак, когда мы, опоздав на полчаса, позвонили у двери, Юрий Николаевич с поклоном открыл её сам, тихо и едва заметно взглянув на меня, пожал нам руки и стремительной походкой мгновенно провёл в свой кабинет. Статный, но небольшого роста, он чёткими движениями сходу усадил нас подле края письменного стола и сел тут же поодаль.

В те дни в Третьяковской галерее проходила вторая, организованная Юрием Николаевичем выставка картин Н.К.Рериха, — в залах, смежных с выставкой Андрея Рублёва. Мы уже побывали там, поэтому речь зашла о картинах. Синева Гималаев проникала в рублёвский зал сквозь открытую дверь, завораживала и притягивала своей необычностью и чистотой. Входивший в зал оказывался внутри пространства, заполненного частичками синевы.

Юрий Николаевич поинтересовался, что понравилось мне больше всего.

Конечно, поразила картина «Бэда Проповедник». Не ожидала я увидеть живописный образ поэмы Я.П.Полонского, от которой в детстве получила потрясение. Но Юрию Николаевичу почему-то ответила, что больше всего понравилась картина «Ковёр-самолёт», что поражаюсь также чистоте красок на картинах Николая Константиновича. Юрий Николаевич выразил удовольствие от того, что Рерих и Рублёв выставлены рядом, что они созвучны, что оба художника не смешивали краски. Чистота так роднит их!..

А вот здесь, в кабинете, над входной дверью картина «Гесэр-Хан». Она пламенеет. «И какие необъятные просторы!» — говорит Юрий Николаевич. Отвечаю по-своему: «Какая даль!» И он сразу же подхватывает чётко: «Даль! Да, даль!» Смущаюсь этому, сажусь на место и вижу не глаза Юрия Николаевича, а глаза Спаса, необъятно открытые, прижавшие в себя своим теплом всё, что есть я. Сердце мгновенно наполнилось блаженством. В забвении всего окружающего и Юрия Николаевича я видела — переживала только яркий Свет. Сколько длилось такое состояние, не знаю. Только вдруг голос внутри сказал: «Нельзя так долго сидеть и столько времени отнимать у такого занятого человека!» И я очнулась. Посмотрела на Лену. Она сидела, нагнув голову, и не шевелилась.

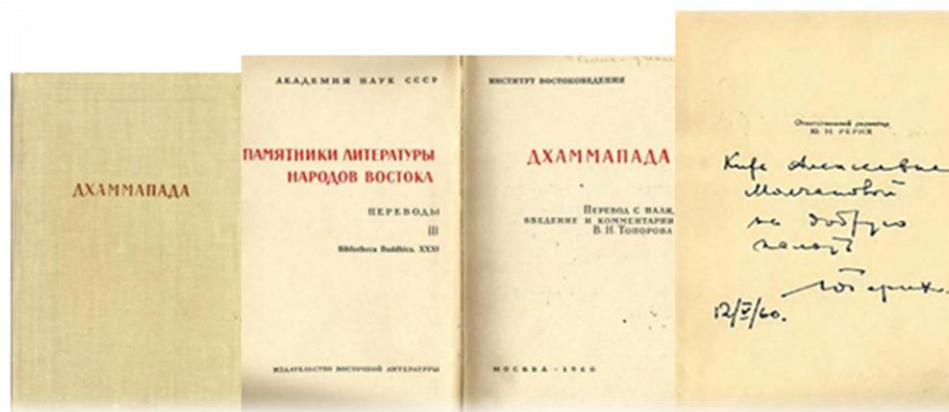
Когда я снова повернулась к Юрию Николаевичу, те же глаза Спаса смотрели на меня, но совершенно иначе — настолько строго, что сердце вздрогнуло от этой суровости. И всё же я опять впала в забвение... И вот снова появилось беспокойство: «Нельзя так много отнимать драгоценного времени!» Я вскочила с места. Сразу же поднялись и Юрий Николаевич, и Лена. Но тут же снова забылась, и, сколько мы простояли так, не знаю. Но очнулась только тогда, когда внутренний голос опять забеспокоился: «Нельзя больше. Надо идти». Юрий Николаевич стоял, склонив голову... Я быстро пошла вперёд. В прихожей обернулась у входной двери. Так же, как и при встрече, Юрий Николаевич тихо, с низким поклоном пожал нам руки.

Вернувшись из отпуска, я всё возможное время старалась вникнуть в книги Учения Жизни и, главным образом, печатала их: сначала «Общину», потом «Аум» и затем «Братство» — в такой последовательности, в какой давал Павел Фёдорович. И жила под знаком непрременной встречи с Юрием Николаевичем в следующем году, и ещё — в непреходящем состоянии Благодати.

Но в тот момент, когда в начале мая 1960 года я села в поезд «Таллинн–Москва», всё прекратилось. Я почувствовала себя совершенно одинокой в океане неизвестности. Со мной было опять письмо Юрию Николаевичу от Павла Фёдоровича, а в Москве — ни пристанища, ни вообще каких-либо знакомых, кроме Юрия Николаевича. Устроилась где-то на краю Москвы в общем номере гостиницы «Алтай». Сразу же позвонила на квартиру Юрия Николаевича. Женский голос ответил, что он в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина готовит выставку картин Святослава Николаевича. Туда и отправилась...

В вестибюле прямо на меня шёл Юрий Николаевич. Остановила его, представилась гонцом из Таллинна и вновь почувствовала вину — опять начинаю отнимать у Юрия Николаевича драгоценное время. Однако не отступила. Он сказал, что на днях у него будут друзья из Риги, и я могу присоединиться. Всё же я попросила уделить время и мне одной.

Так на следующий день я пришла к Юрию Николаевичу днём. Его ещё не было дома. Дверь открыла Людмила Михайловна. Она провела в кабинет, и мы поговорили, как старые знакомые, о том о сём. Пришёл Юрий Николаевич. Очень утомлённый. Я не почувствовала себя посторонней, мешающей, ненужной. Он был такой же предупредительный, внимательный, но чем-то отягощён. Мы посидели молча, но ничего подобного, как в прошлом году, уже не могло повториться.

Дхаммапада. Москва, 1960 (источник: http://www.roerich.ee/articles/rus_221112.html)

Неожиданно Юрий Николаевич сказал: «Дхаммапада» напечатана в типографии, но меня продолжают пытаться, зачем издавать буддийские религиозные книги. Не успею на одном совещании объяснить, доказать, приглашают на другое. И там то же самое. Но как же понимать другие народы, дружить, если не знать их культуру?»

Юрий Николаевич прочитал письмо и рукопись Павла Фёдоровича. Поговорили о нём, и Юрий Николаевич сказал: «Передайте Павлу Фёдоровичу, чтобы непременно продолжал писать. Когда-нибудь всё пригодится». Павел Фёдорович прислал со мной также сувениры для Юрия Николаевича и Святослава Николаевича — по записной книжечке в кожаных переплётках с эстонским орнаментом. Тогда мне казалось это бессмысленным. Но когда позднее увидела книжечку в руках Святослава Николаевича, поняла, как и таким великим людям ценны знаки внимания. И пожалела, что сама не была находчивой.

Через день я снова у Юрия Николаевича. Пришла пораньше, чтобы получить пригласительный билет на выставку картин художника Святослава Рериха. Юрий Николаевич спросил, сколько билетов мне нужно.

- Один.
- Почему один? Все хотят помногу.
- Я одна. Пригласить некого.
- Как некого? И знакомых нет?
- Нет.
- Совсем нет?
- Совсем нет.

Он продолжал настаивать:

- Неужели нет?

Тогда я подумала, что приглашу, может быть, девушку из Сталинграда, с которой мы разговариваем в гостинице. И попросила два билета.

- А где же Вы остановились?

— В гостинице «Алтай».

— Где это?

— Рядом с гостиницами «Заря», «Восход», «Восток».

— Заря, Восход, Алтай! Да, да, Алтай — это Заря, Восход!

Гости собирались и в столовой, и в кабинете. Юрий Николаевич представлял: «Кира Алексеевна из Таллинна». Я всех видела впервые, кроме Гунты Рудзите. Она, оказывается, даже остановилась там! Когда сели за овальный стол, нас оказалось много. В крохотной столовой стало тесно. Пили чай с пирожками и ещё чем-то. Я ни к чему не притрагивалась. Юрий Николаевич сидел напротив. Неожиданно взял в руки блюдо с пирожками и предложил мне. Вместо того, чтобы взять пирожок и поблагодарить такого чудесного душевного хозяина, от неловкости я схватила блюдо и поставила на стол. Есть ничего не могла.

Чувствовалось ласковое, приветливое отношение Юрия Николаевича ко всем. Среди гостей были Б.А. Смирнов-Русецкий и В.Т. Черноволенко. Они стали приглашать всех к себе в гости, но на один и тот же вечер. И оказалось, что все решили идти к Виктору Тихоновичу. Там было очень заманчиво: исполнение музыки, которую Виктор Тихонович сам же сочиняет, а играет в особом состоянии. И картины пишет в таком же состоянии. Борис Алексеевич, как я поняла, просто художник, но он был так внешне похож на Юрия Николаевича!

«А куда Вы решили идти?» — спросил Юрий Николаевич. — «К Борису Алексеевичу!»

Не знаю, какое значение имел ответ, но такое внимание было дорого. В прихожей Юрий Николаевич ухаживал за гостями, подавал верхнюю одежду, помогая одеться. И расставаясь, просил Бориса Алексеевича непременно проводить меня до того автобуса, который идёт уже прямо к гостинице.

И вот открытие персональной выставки художника Святослава Рериха, самой первой в Советском Союзе, — 11 мая 1960 года, в 16.00, в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.

На подиуме готического портала (это музейный экспонат!) среди множества официальных лиц — Святослав Николаевич и Девика Рани. Но я и моя спутница стоим очень далеко в тесной толпе. Едва что-либо видно. Поражённая экзотичностью и красотой Девики Рани и стройной строгой внешностью Святослава Николаевича, девушка исчезает: она пробралась вперёд. Я осталась на месте. Тесно, как в трамвае в часы пик. Наконец, художник со свитой проходит сквозь толпу в противоположном направлении, где надлежит перерезать ленту у начала экспозиции. Очарованные люди ринулись вслед. Стою растерянная на месте. И вдруг осознаю, что передо мной Юрий Николаевич. «Идёмте, я проведу Вас в конец экспозиции, где ещё никого не будет». Рядом с Юрием Николаевичем академик Павловский в военной форме. Мы быстро проходим в последний и, как оказалось, самый большой зал выставки. Остаюсь одна среди пейзажей и людей южной Индии. Вижу красную раскалённую землю, муссонные облака,двигающихся людей и животных, буйные порывы весеннего ветра. Чувствую пряный запах цветущих деревьев и головокружение. Я в знойной Индии!..

Толпа хлынула и в этот зал. Стало тесно и не видно картин. Святослав Николаевич ходит от картины к картине, плотно сжатый людьми. Тесно, душно. Вокруг праздничный гул. Вдруг... снова передо мной Юрий Николаевич!

— Ну как?.. Вы уже познакомились с моим Братом?

— Что Вы! Я даже не предполагала, что это можно сделать!

— Напрасно! Он был бы рад. Всегда рад каждой такой встрече.

Я в смятении.

— Хорошо, приходите тогда завтра, я познакомлю Вас дома!

Это было так же неожиданно, так же необъяснимо, как и появление Юрия Николаевича прямо передо мной в такой тесноте уже второй раз.

Какое счастье: я снова у Юрия Николаевича! Пришла с «Дхаммападой», которую купила себе и Павлу Фёдоровичу в магазине «Академкнига» на улице Горького. Юрий Николаевич удивился, что книга в продаже. Попросила автограф.

Гостят троюродные сёстры Татьяна Степановна и Людмила Степановна Митусовы.

Входят Святослав Николаевич и Девика Рани. Они очень приветливы, душевно внимательны. Никакой отчуждённости, которая раньше рисовалась моему воображению.

Ю.Н.Перих, Л.М.Богданова, С.Н.Перих. Москва, 1960

Юрий Николаевич счастлив: он светится радостью, нежностью, сдержан в общении. Никогда не видела, чтобы Юрий Николаевич притянул кого-то к себе и обнял или положил руку на плечо. Святослав Николаевич — наоборот, щедрый на ласки. Все шутят, ведут себя так естественно, и просто, что я чувствую себе среди близких людей, но смущаюсь оттого, что не соответствую такой высоте. Временами Девика Рани обращается к Юрию Николаевичу не на английском языке, а на хинди или бенгали, и даже по-немецки (я узнала, что она училась в Германии на киностудии У.Ф.А.). Голос Юрия Николаевича, приятного чистого тембра, высоких и тёплых вибраций, всегда звучит ровно. Отчётливая, изысканно безупречная дикция. Идеальная русская речь. Она лилась настолько естественно и плавно, что переход на другой язык был незаметен.

В этом Человеке не было ничего, что не соответствовало бы его внутреннему содержанию. Стройность внешнего облика сочеталась с полной душевной гармонией.

Это было воплощение совершенного человека. Это был живой идеал — идеал единения, умения любить и понимать любого.

Общаясь с Юрием Николаевичем, я убедилась, что будущее человечества небезнадёжно, если высокая нравственность среди людей реальна. Ради такой красоты жить можно и нужно стремиться к самосовершенствованию. У нас есть будущее, истинно, — Светлое Будущее! Общее Благо возможно.

Во время той встречи Юрий Николаевич пригласил меня опять в гости, уже вместе с Павлом Фёдоровичем, который звонил ему и скоро приедет на выставку.

На неделе ездила в Троице-Сергиеву Лавру и в Абрамцево. В Лавре у меня случился обморок.

Когда пришла в назначенный день к Юрию Николаевичу, в разговоре с домашними обмолвилась о происшедшем. За столом говорили и о Лавре, где побывали все. Юрий Николаевич неожиданно спросил, почему мне стало там плохо. И Святослав Николаевич тоже поинтересовался, объяснив, что у них была знакомая, у которой в церкви обморок

случался всегда на одной и той же молитве. Мне стало стыдно, потому что дурно было от истощения — сэкономила деньги, чтобы хватило на весь отпуск.

Павел Фёдорович был необычайно вдохновлён, много говорил и даже жестикулировал. Таким я его ещё никогда не видела — ни прежде, ни потом. Юрий Николаевич пригласил нас прийти снова 21 мая. Будет и Святослав Николаевич. Встречу назначили на 19.00.

21-го мая 1960 года я приехала к Юрию Николаевичу минут за пять до назначенного времени. Позвонила. Дверь открыла Людмила Михайловна (Богданова) и, не предлагая войти, сказала, что Юрий Николаевич ушёл, чем повергла меня в крайнее изумление.

Говорю, что Юрий Николаевич не мог уйти, потому что он пригласил нас с Павлом Фёдоровичем к семи часам вечера. Сейчас и будет 19.00! Т

огда она, наконец, сказала: «Юрий Николаевич умер».

«Как? Этого не может быть!»

«Да... умер в пять часов вечера. «Скорая помощь» уже констатировала это».

Слышу голос Павла Фёдоровича. Что-то напевает, поднимаясь на четвёртый этаж по лестнице, не на лифте, чтобы быть пунктуальным.

Мы так и стоим в дверях по обе стороны порога.

Павел Фёдорович радостно здоровается и смолкает.

Людмила Михайловна повторяет: «Юрия Николаевича нет больше с нами. Он умер».

Молчим. Наконец, она предлагает войти. Мы проходим прямо к Юрию Николаевичу в его крохотную спальню. Он всю жизнь предпочитал походную кровать. И видим его на раскладушке... Мы стояли в глубоком потрясении... Вышли в кабинет.

Людмила Михайловна рассказала, что днём у Юрия Николаевича уже было плохое самочувствие, когда он пришёл с работы. Его подташнивало. Прилёг. Узнав об этом, они с сестрой подумали, — не пищевое ли это отравление, потому что в Индии у него когда-то было отравление подсолнечным маслом. И вызвали врача — знакомого гомеопата Мухина. Он побыл недолго и уехал. Лучше не стало. Вызвали «скорую помощь», но было уже поздно...

Вскоре после нас приехали Святослав Николаевич и Девика Рани. Святослав Николаевич мгновенно прошёл в спальню, потом Девика Рани. Затем она позвонила в Индийское посольство. Посол Кришна Менон приехал немедленно, с супругой.

Становилось ясно, что скоро снова вызовут «красный крест», Юрия Николаевича навсегда унесут из дома. Могут забыть про кольцо. Сказала об этом Павлу Фёдоровичу, и мы снова в удобный момент вошли в спальню. Павел Фёдорович снял кольцо и передал Святославу Николаевичу. С того момента Святослав Николаевич всегда носил это кольцо сам.

В доме набралось множество разных людей. Мы с Девикой Рани сидели около двери к Юрию Николаевичу. Она расспрашивала подробности моей жизни и предложила остаться ночевать здесь с сёстрами Богдановыми. (На следующий день они предложили вообще перебраться сюда из гостиницы).

Святослав Николаевич стал отрешённо строгим и уехал в этот скорбный вечер вскоре после того, как увезли Юрия Николаевича.

Мы с Павлом Фёдоровичем проводили его до автомашины у подъезда и вернулись наверх. Долго разговаривали с оставшимися, обсуждая будущее квартиры, её ценностей — научной библиотеки, картин, архива. Вокруг началось брожение умов и главное, что якобы Святослав Николаевич всё увезёт обратно в Индию. Павел Фёдорович сразу же сказал, что научную библиотеку следовало бы оставить здесь и сделать доступной учёным.

23 мая 1960 года в 15.30 в Институте Востоковедения состоялась гражданская панихида, откуда все поехали на автомашинах и автобусах в крематорий. В 17.30 мы навсегда прощались с Юрием Николаевичем, под Реквием Моцарта... «Лакримоза»...

Лицо Юрия Николаевича казалось живым и безмятежным. Я стояла впереди, у самого барьера, отделявшего его от живых, и безутешно рыдала.

Святослав Николаевич, в наглухо застёгнутом под ворот чёрном костюме, был исполнен внутреннего величия, также и Девика Рани, в вишнёво-чёрном муаровом сари, со скорбным лицом. Она подходила и окуривала Юрия Николаевича индийским фимиамом сандаловых палочек...

Вернувшись, мы молча сидели в столовой и слушали пластинку с музыкой Вагнера к опере «Тристан и Изольда» — Вступление и Смерть Изольды, — которую поставил сам Святослав Николаевич и удалился в кабинет.

Через несколько дней Ираида Михайловна и я ездили за урной с прахом Юрия Николаевича. Урна была поставлена в его спальне, и там Святослав Николаевич разделил прах на две части: половину оставил, половину взял с собой в Индию.

Святослав Николаевич начал переговоры в Министерстве Культуры СССР и Академии Наук СССР о судьбе научного и художественного наследия Рерихов, находящегося на квартире Брата, сразу же после похорон Юрия Николаевича. Одно из совещаний с представителями этих учреждений проходило на квартире Юрия Николаевича. Я вела протокол, который отдала Святославу Николаевичу. Он решил, что научная библиотека Юрия Николаевича должна быть передана Институту Востоковедения для создания Мемориального кабинета Юрия Николаевича. Однако библиотека оставалась собственностью Святослава Николаевича. Картины же и архив он тоже оставил в Москве для создания Мемориального музея-квартиры Ю.Н.Рериха.

Наблюдение за сохранностью библиотеки в Институте поручалось мне. Я должна была работать ответственным хранителем книг.

Сначала Святослав Николаевич хотел поселить меня на квартире Юрия Николаевича вместе с оставшимися там сёстрами Богдановыми, не имевшими опыта самостоятельной жизни. Но они уклонились от такого попечительства. Приходили разные люди и влияли на них. И тогда Святослав Николаевич включил в свои условия передачи наследства предоставление мне отдельного жилья.

Так как совместное постановление Министерства Культуры СССР и АН СССР затягивалось и не могло состояться до отъезда Святослава Николаевича, он оставил им письменное изложение своих условий передачи наследства.

После того совещания на квартире Юрия Николаевича аспирантка Юрия Николаевича из Ленинграда, М.И. Воробьёва-Десятовская, и я приступили к составлению описи научной библиотеки.

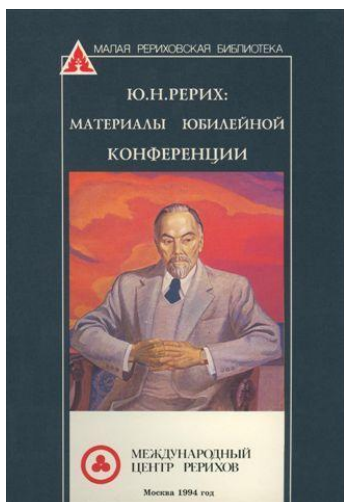
Выставка картин Святослава Николаевича закрылась в Москве 3 июня и должна была переехать в Ленинград на три недели. Святослав Николаевич дал нам деньги на поездку вместе с ними в Ленинград, где я жила у Маргариты Иосифовны и каждый день бывала в гостинице и на выставке вместе со Святославом Николаевичем и Девикой Рани.

25 июня мы все вернулись в Москву. Закончили опись библиотеки до отъезда Святослава Николаевича в Индию 13 июля 1960 года. Опись передали Святославу Николаевичу.

В Институте Востоковедения мне предложили написать заявление о приёме на работу, автобиографию и заполнить анкету. Поехала в Таллинн за трудовой книжкой. Когда вернулась через неделю, книги уже упаковывались без меня, а в Институте сказали, что не надо было приезжать, а надо было ждать вызова!... Жила я теперь уже не на квартире Юрия Николаевича, время от времени ходила по чиновникам, то в Институт Востоковедения, то в Министерство Культуры СССР, — безрезультатно. М.И. Воробьева-Десятовская сообщила, что Святослав Николаевич интересовался ходом событий через неё, хотел знать, что же происходит, был настроен решительно и готов поднять вопрос обо мне снова. Но она же советовала мне не идти против явно неблагоприятных обстоятельств. Так в конце сентября я вернулась в Таллинн и только тогда смогла написать наконец обо всём Святославу Николаевичу. Он ответил, что крайне удивлён случившимся...

Ю.Н.Рерих общался с учёными и высокопочтимыми ламами Востока, учился у них. Поэтому призываю молодое поколение учёных заниматься изучением не только научных востоковедческих трудов Юрия Николаевича Рериха. Накопленный им невероятный объём как научных, так и духовных знаний является синтезом, умением видеть целое. Вникая не только в научные труды Юрия Николаевича, но одновременно осмысляя его отношение к жизни, станет возможным по достоинству оценить благородство и подвиг жизни Великого Учёного и Великого Светоносного Человека Юрия Николаевича Рериха [2].

Таллинн, август 1992 г.

Ю.Н.Рерих: материалы юбилейной конференции
Москва, Международный Центр Рерихов, 1994 г.

На обложке: Илзе Рудзите. Портрет Юрия Николаевича Рериха.

Материалы Общественно-научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха, составили этот сборник. Проведенная Международным Центром Рерихов совместно с Сибирским Рериховским обществом, музеем им. Н.К.Рериха в Изваре, научным кабинетом им. Ю.Н.Рериха Института Востоковедения РАН в Москве конференция многогранно высветила облик этого великого Ученого и Человека.

МАЛАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА Редакционная коллегия: *А.Д.Алехин, Е.Б.Дементьева, С.Н.Кайдаш, Л.В.Шапошникова* Редактор *С.А.Пономаренко*

© Международный Центр Рерихов, 1994
Фирма БИСАН-ОАЗИС

Ю.Н.Рерих на открытии выставки картин в Государственной Третьяковской галерее в Москве, 7 августа 1959 года.

<http://www.roerich.kz/books/Chtenia/UNR-vostinstitut.htm>

Ю.Н.Рерих на Международном конгрессе монголоведов.

